

Ревность – оборотная сторона любовных отношений. Конечно, в жизни одно не обязательно сопутствует другому (хотя, как правило, именно так оно и есть), но на уровне культуры эти две практики неразделимы. Ведь какими бы ни были представления о взаимном соотношении любви и ревности – что любви без ревности не бывает или что, напротив, настоящая любовь исключает малейшие ее проявления, – все равно, как видим, одно определяется через другое. А коли так, представления о распространенности ревности, о ее восприятии могут пролить свет и на особенности любовных практик. В конце концов, и то, и другое имеет прямое отношение к принятым формам сексуальной власти и правилам эмоционального обмена. Ведь ревность – свидетельство того, что право, которое некто считал своим, эксклюзивным, кажется ему попраным.

Е. Вовк

Несколько слов о ревности: *представления и эмоциональный опыт*

Согласно данным одного из опросов ФОМа¹, ревность – эмоция в нашей культуре довольно сильно распространенная: признают, что сами испытывали чувство ревности или что становились ее объектом, более половины опрошенных (57% и 54% соответственно), причем и среди тех, и среди других значительная часть утверждает, что такое случалось часто (22% и 28% соответственно).

Кстати, обратим внимание на то, что доли ревнующих и ревнуемых практически идентичны – а значит, вряд ли можно предположить, будто ревность расценивается как нечто постыдное. По крайней мере признаться в собственной ревности респонденты стыдятся не более, чем признать, что ревновали их. Характерно также, что в целом люди склонны связывать переживания ревности с особенностями собственного характера: более четырех пятых среди ревновавших часто (и даже среди ревновавших редко – каждый четвертый) сами себя признают ревнивыми. Вряд ли это было бы так, считайся ревность эмоцией недостойной, неодобряемой².

¹ Общероссийский опрос 3–4 февраля 2007 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов). В дальнейшем данные этого опроса приводятся без ссылки на источник.

² Людям вообще свойственно утверждать, что стремление делать что-то хорошее заложено в их характере и присуще им от природы, а неприглядные поступки случаются исключительно в силу обстоятельств. И действительно, те респонденты, кто считает ревность признаком настоящей любви (а значит “хорошей” эмоцией), именуют себя ревнивыми в разы чаще, чем те, кто считает, что при настоящей любви ревность не возникает.

Хотя осуждаемой эмоцией ревность, по-видимому, не является, назвать ее одобряемой тоже сложно. Более трети респондентов (37%) утверждают, что вообще никогда никого не ревновали; 22% говорят, что никогда не ревновали их (еще 23% затрудняются ответить на этот вопрос – а значит, скорее всего, явных проявлений ревности по отношению к себе они также не припомнят)³. Более того, на уровне установок и ценностей ревность считается скорее нежелательным чувством: выбирая из двух альтернативных мнений: “ревность – признак настоящей любви” и “при настоящей любви ревность, как правило, не возникает”, к первому респонденты присоединялись вдвое реже, чем ко второму (26% против 49% соответственно). Впрочем, говорить об однозначности мнений здесь не приходится: все же значительная часть опрошенных – каждый четвертый – склонны, по-видимому, считать, что без ревности любви не бывает, не ревнует – значит, не любит.

Когда речь заходит о конкретных случаях ревности, с которыми сталкивался сам респондент, перевес отрицательных оценок этой эмоции оказывается несколько более выраженным – но исключительно за счет снижения доли за-

трудняющихся дать ответ. И снова, каждый четвертый из тех, кого ревновали, ревность приветствует: 12% респондентов в целом по выборке заявили, что им это нравилось; не по душе это пришлось 32%.

На первый взгляд, ответы респондентов на открытый вопрос, почему им нравилась или не нравилась ревность в их адрес, свидетельствуют о том, что отношение к этой эмоции определяется именно представлениями о ее сочетаемости с “настоящей” любовью, с “нормальной” практикой близких отношений.

Так, те, кому обычно нравилось, что их ревновали, говорили, что ревность – это проявление любви, симпатии (“значит, человеку я не безразлична” – 6%), признак того, что тебя ценят, тобой дорожат (“беспокоится, выделяет из

всех”; “ощущаю свою ценность и важность”; “ревнует – значит, человек дорог” – 3%), и что в определенных пределах она даже лестна (“повышает мою самооценку”; “тешит самолюбие”; “это приятно, если не сильно” – 2%).

А вот те, кто негативно воспринимает проявления ревности к своей персоне, заявляли, что для ревности не было оснований (“без всяких причин потому что”; “если вас ревнуют к столбу”; “потому что беспочвенно” – 8%); что ревность раздражает и заставляет нервничать (“лишние расстройства”; “надоедает”; “напрягает и утомляет”; “нервирует такое отношение” – 6%), плохо сказывается на отношениях, приводит к ссорам и скандалам (“до конфликтов доходит”; “из-за ревности ругаются”; “начинается не нужное никому выяснение отношений” – 6%); что ревность – это проявление недоверия (“значит, человек мне не доверяет” – 4%) и попытка контроля, ограничения свободы действий (“всегда контролирует, куда иду и что делаю”; “нельзя ни с кем поговорить”;

³ Справедливости ради заметим, что и любить, судя по всему, выпадает не каждому: заявили, что им ни разу в жизни не доводилось влюбляться, 9% респондентов в возрасте 36–54 лет и 7% людей старше 54 лет.

Ревность – эмоция в нашей культуре довольно сильно распространенная: признают, что сами испытывали чувство ревности или что становились ее объектом, более половины опрошенных, причем и среди тех, и среди других значительная часть утверждает, что такое случалось часто

“получается какая-то зависимость”; “это чувства собственника” – 1%), что она оскорбляет и унижает (“обижает ревность”; “унизительно”; “это вызывает досаду”; “это вызывает злость” – 3%). Вряд ли, считай эти респонденты ревность признаком любви, они акцентировали бы внимание на негативных моментах (как не акцентируют на них внимание те, кому быть ревнуемым понравилось, – хотя и в их случаях ревность могла быть беспочвенной, приводить к скандалам, ограничению свободы и т. д.).

Впрочем, при более пристальном прочтении объяснений, почему респондентам понравилось или не понравилось быть объектом ревности, возникает гипотеза, что ревность – это, помимо прочего, властная практика; и быть ревнуемым нравится тем, кто, вызывая ревность, управляет таким образом другими, а не нравится – тем, кто оказывается в роли управляемого.

Кстати, даже среди тех респондентов, кто заявляет, что ревность – это признак настоящей любви, каждый третий отнюдь не радовался, оказавшись в роли ревнуемого. И это не единственный пример расхождения ценностных утверждений с поведением и практическими оценками. Например, более половины утверждающих, что при настоящей любви ревность не возникает (53% от этой группы), признают, что сами ревность испытывали, причем почти треть из них (15%) ревновали часто, и треть же вообще признают себя ревнивыми (18% против 35% не считающих себя таковыми)⁴.

Вряд ли все они были бы готовы согласиться, что любовь, которую они испытывали к объекту ревности и которая стала предпосылкой такого переживания, была ненастоящей. На наш взгляд, все это косвенно подтверждает гипотезу, что ревность практикуется и воспринимается не только (а может даже, и не столько) как эмоциональный знак, но и как форма власти.

Однозначно сказать, что на практике оказывается “выгоднее” – самому ревновать или вызывать к себе ревность, – довольно сложно. Посмотрим: вроде бы среди признающих себя ревнивыми доли тех, кому собственная ревность хоть когда-либо мешала, и тех, кому она никогда не мешала, достаточно близки по величине (15% и 11% по выборке соответственно). Вместе с тем становиться объектом ревности людям, как правило, не по душе: повторим, понравилось, что его ревновали, только одному из каждых четырех–пяти респондентов, оказывавшихся в такой ситуации, не понравилось – втрое большей доле (12% и 32% по выборке соответственно). Можно было бы сделать вывод, что своя ревность мешает меньше

⁴ Вопрос: “Вы считаете себя в принципе ревнивым или неревнивым человеком?” не задавался тем, кто, по их словам, никогда не испытывал этого чувства (то есть отвечали на него 63% от общего числа опрошенных).

Табл. 1

% от групп (по столбцам)

	Испытывали чувство ревности	
	часто	редко
Скажите, пожалуйста, Вам в жизни когда-либо мешало или никогда не мешало то, что Вы ревнивый человек?		
Мешало	50	10
Не мешало	28	13

Табл. 2

% от групп (по столбцам)

	Были объектом ревности	
	часто	редко
Вам чаще нравилось или не нравилось, что Вас ревновали?		
Не нравилось	62	58
Нравилось	25	20

Табл. 3

% от групп (по столбцам)

	Мужчины	Женщины
	Вам чаще нравилось или не нравилось, что Вас ревновали?	
Нравилось	10	15
Не нравилось	30	34
Скажите, пожалуйста, Вам в жизни когда-либо мешало или никогда не мешало то, что Вы ревнивый человек?		
Мешало	13	16
Не мешало	12	10

(а нравится – больше), чем чужая. Однако это различие сгладится, как только мы учтем, сколь часто человек оказывался в соответствующей ситуации: выясняется, что регулярно переживать ревность людям столь же неприятно, как и видеть ревность в свой адрес (табл. 1, 2).

Любопытно, кстати, что чужая ревность респондентам одинаково нравится или не нравится вне зависимости от того, сколь часто приходилось быть ее объектом. А вот оценки собственной ревности зависят от частоты ее возникновения; не исключено, что в качестве редкой эмоции ревность не только не портит, но в ряде случаев даже украшает жизнь.

Говоря о ревности как форме власти, нельзя обойти вниманием ее гендерный аспект. Согласно полученным данным, статистически ревнивость не связана с полом. Мужчины не чаще, но и не реже женщин говорили, что им случалось мучиться ревностью или же быть ее объектом. А вот в эмоциональных оценках ревности определенные различия присутствуют: женщины несколько чаще мужчин радуются ревности в свой адрес – и при этом несколько чаще жалуются, что собственная ревнивость им мешает (табл. 3).

Такое, в частности, могло бы объясняться тем, что ревность действительно, как мы предположили выше, практикуется как форма власти и женщинам лучше удавалось управлять противоположным полом, вызывая ревность, а мужчинам – ее, ревность, демонстрируя. Не исключено, что так оно и есть.

Но, пожалуй, даже гендерные различия в практике и восприятии ревности не столь интересны, как различия межпоколенческие. Обнаруживается, что молодые считают ревность гораздо более приемлемой и даже желанной эмоцией, чем люди среднего и пожилого возраста: они чаще говорят, что ревновали сами или видели ревность в свой адрес, чаще называют себя ревнивыми и чаще радуются, когда ревнуют их самих, чаще утверждают, что ревность – это признак настоящей любви. Приведем таблицу (табл. 4), иллюстрирующую наши наблюдения (для простоты и наглядности возьмем только две крайние возрастные группы).

Табл. 4

% от групп (по столбцам)

	Возраст, лет	
	18–35	55 и старше
Скажите, пожалуйста, Вы лично ревновали или никогда не ревновали? И если Вы испытывали это чувство, то часто или редко?		
Никогда не ревновал(-а)	30	47
Часто	28	15
Редко	37	27
Вы считаете себя в принципе ревнивым или неревнивым человеком?		
Ревнивым	36	17
Неревнивым	29	28
Вас когда-нибудь в жизни ревновали или никогда не ревновали? И если ревновали, то часто или редко?		
Никогда не ревновали	16	32
Часто	35	19
Редко	27	21
Вам чаще нравилось или не нравилось, что Вас ревновали?		
Нравилось	18	7
Не нравилось	33	26
Одни считают ревность признаком настоящей любви. Другие считают, что при настоящей любви ревность, как правило, не возникает. Какая точка зрения – первая или вторая – Вам ближе?		
Первая	33	18
Вторая	44	50

Может быть, эти межпоколенческие различия – одно из отражений изменений, произошедших в последние десятилетия в сфере любовных и брачно-семейных отношений? Ведь если отношения партнеров более или менее жестко регламентированы внешней нормативной рамкой, как это было раньше, функциональной нужды в ревности не возникает. В этом случае она скорее дисфункциональна: чем обязательнее моногамия и верность, тем более аномальными (а значит, тем менее допустимыми) должны считаться и само чувство ревности, и поводы для него. Если же отношения между полами зыбки и верность проблематизирована, а желание партнеров оставаться вместе должно, как утверждают современные теоретики, непрерывно подтверждаться, то тогда она действительно может оказаться одним из важнейших спутников и свидетельств любви. ■

